

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной

работе ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

доктор физико-математических
наук, профессор

Бучельников В.Д.

2016 г.

**Отзыв ведущей организации
на диссертацию Будаевой Марины Николаевны «Культурное
пространство студенческой молодежи на Южном Урале в 1990-е гг.
(исторический аспект)», представленную на соискание степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 –
«Отечественная история»**

Период 1990-х гг. является важной вехой в развитии нашей страны, это время можно обозначить как деконструкцию советской системы и конструирование новой России. Студенчество, в силу множества факторов, оказалось социальной группой, в наибольшей степени подверженной переменам, которые происходили в стране. Важной частью жизни студенческой молодежи является культурное пространство, влияющее на модели поведения и ценностные ориентиры. В силу этого представленная тема является актуальной не только в силу неизученности проблематики, но и по причине возможности лучше понять современное общество.

Структура работы соответствует всем предъявляемым требованиям. Во введении автор определил объект и предмет исследования, обозначил цель и задачи, обосновал хронологические и территориальные рамки работы. В этом же разделе диссертации дается историографический обзор. Автор осуществила свое исследование на разноплановом источниковом материале:

от архивных данных до интервью. В области методологии автором были заявлены актуальные методологические направления. По мнению автора, диссертация базируется на исторической антропологии, истории повседневности, методах устной истории. Если бы заявленные подходы были в полной мере реализованы в работе, то можно было бы рассчитывать на решение поставленных в работе задач.

В первой главе «Социокультурная трансформация студенчества Южного Урала в условиях перехода страны к рыночной экономике» делается попытка создать коллективный портрет южноуральского студенчества. Автор выявляет факторы, влияющие на социокультурную трансформацию студенчества. Несомненной заслугой автора является формулировка собственного определения концепта «культурное пространство».

Во второй главе «Активность студенческой молодежи Южного Урала в учебной и внеучебной сферах деятельности в 1990-х гг.» автор изучает повседневность студенческой молодежи. С одной стороны, обращаясь к массиву делопроизводственной документации, автор демонстрирует роль вузов в формировании культурного пространства. С другой стороны, автор описывает неформальные практики организации молодежного досуга. Автор предпринял добросовестную попытку проанализировать различные субкультуры, существовавшие в молодежной среде в 1990-е гг.

Новизна и теоретическая значимость выводов, полученных в рамках диссертационного исследования, состоит в том, что автор смог поставить интересную научную задачу и обозначить траекторию ее решения. В работе показано взаимодействие вузов и студенчества, автор плодотворно работает с официальной документацией, и это позволяет реконструировать часть жизненного мира студента 1990-х гг.

Признавая достоинства диссертационного исследования, необходимо высказать ряд замечаний:

1. Заявленные в диссертации территориальные рамки исследования должны охватывать Южный Урал в границах Оренбургской, Челябинской

областей и Республики Башкортостан. Однако архивными материалами, а также материалами интервью и периодической печати работа обеспечена только по Челябинской области, что не позволяет экстраполировать полученные выводы на весь южноуральский регион.

2. Вызывает удивление полное игнорирование автором научной литературы, описывающей социальные процессы, трансформации и переходы в России 1990-х гг. Между тем в социологии эти темы достаточно хорошо разработаны.

3. Автор не проводит четкую границу между историографией и источниками, так как специальные работы, посвященные российскому студенчеству, присутствуют в обоих этих разделах введения. Вызывает сомнение выделение такого вида источников, как научная литература по проблемам молодежи и студенчества (С. 18 – 25). Если социологические отчеты различных научно-исследовательских центров можно использовать в качестве эмпирической базы исследования, то диссертации, научные статьи, сборники трудов конференций, безусловно, составляют историографическую базу.

4. Использованные в диссертации методы устной истории применены с нарушением их основных методологических принципов. Так, не определен тип интервью (структурированное/ неструктурированное/ глубокое и т.п.); никак не обоснована выборка респондентов, ни количественно, ни качественно. Не соблюдены ни объемы интервью, ни правила их оформления, ни система ссылок на них. См. работы С. Белановского и Д. Хубовой.

5. Сам отбор респондентов вызывает серьезные сомнения, так как в роли экспертов по теме культурного пространства студенчества выступают не студенты, проходившие обучение в 1990-е гг., а преподаватели, проректора, руководители научных подразделений, а также представители неформальных сообществ.

6. В работе абсолютно не раскрыт заявленный во введении метод исследования повседневности. С одной стороны, неясно, что понимает автор под «методом исследования повседневности» (вообще существуют сомнения в наличии такого метода, скорее можно говорить о комплексе методов, с помощью которых изучается сфера человеческой обыденности); с другой, в самом исследовании отсутствует взгляд на студенческую молодежь изнутри, т.е. речь должна вестись не просто о фиксации элементов бытового устройства студентов, перечислении мелких частных событий их жизни, а о реконструкции всего своеобразия повседневных практик, причем с позиции восприятия самих студентов 1990-х гг.

7. Если исключение из понятия «культурное пространство» такой сферы как политическая культура автор хоть одной фразой, но объясняет, то отсутствие сферы правовой культуры не объяснено никак. Равно как и отсутствие анализа гражданской активности студенчества и его участия в общественных организациях (за исключением упомянутого, но не проанализированного участия студентов в студенческих ассоциациях). Даже роль студенческих профсоюзов осталась не раскрытой.

8. В диссертации на протяжении всего текста фигурируют современные названия и аббревиатуры вузов, а не аутентичные для периода 1990-х гг.

9. В таблице 3 (С. 43) указано, что у 20% студентов зарплата была основным источником дохода, а еще у 35% эту роль играли разовые заработки. При этом на С. 63 в диаграмме 2 вообще отсутствует сектор, связанный с трудовой деятельностью. При этом, как и в случае таблицы 3, так и в диаграмме 2 не ясен принцип их формирования. Какие данные легли в основу этих таблицы и диаграммы? К примеру, применительно к диаграмме 2 в качестве источников указаны «Положение об организации учебного процесса в ЧГПУ. Челябинск, 2008.», которое выходит за хронологические рамки темы и отражает ситуацию только в одном вузе, и «Корешкин И.А. Большая энциклопедия народной медицины. Золотые рецепты здоровья и долголетия. М., 2010.», которая вообще не соотносится с проблематикой

работы. Эта диаграмма отражает средние показатели по всем вузам за все годы? Или как? Корректнее было бы составить данные в динамике, показав, как в заданных хронологических рамках менялось распределение времени у студентов, и как отличался распорядок дня в различных учебных заведениях. Так, например, в спортивных и творческих вузах значительная часть дня отводится под тренировки и репетиции, в других вузах это время занято другими делами. В результате у автора получается некая «средняя температура по больнице», которая не отражает реальной картины.

10. На С. 41. автор пишет: «Рост численности представителей «глубинки» отражал, с одной стороны, процесс демократизации общества, расширения доступности образования, в том числе за счет появления негосударственных вузов; с другой – стремление молодой части населения региона вырваться из данной среды в более крупные населенные пункты, где для студенческой молодежи открывались перспективы более привлекательной жизни и дальнейшей карьеры». Поскольку в этом фрагменте дается ссылка на работу П.Я. Дегтярева «Социально-экономическая география Челябинской области». (Челябинск, 2010), возникает резонный вопрос о репрезентативности данных. Кроме того, возникают и другие вопросы: по сравнению с каким периодом и насколько происходит рост числа студентов из районных центров и сел? Был ли эти студенты выходцами из Южного Урала или, как указывается на с. 39, выходцами из Сибири и Казахстана?

11. В качестве источника для таблицы № 3 (С. 43) указана статья Ю.Р. Вишневского «Социальный облик студенчества 90-х гг.» (СОЦИС. 1997. № 10). В этой статье указывается: «По заданию Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области весной 1995 г. было проведено исследование "Студент - 95: социальный портрет" (научным руководителем которого был один из авторов – Ю.Р. Вишневский)», следовательно, данное исследование охватывает период только до 1995 года, хотя в диссертации автор распространяет эти выводы на

все 1990-е годы. Кроме того, в статье речь идет о студенчестве Свердловска, а автор пишет о студенчестве Южного Урала.

12. Материалы, приведенные на С. 43 в Таблице 3, противоречат данным, приведенным автором на С. 45. о роли заработков студентов. Вообще проблеме студенческих доходов и расходов в работе уделено недостаточно внимания. А в тех случаях, где об этом упоминается или обнаруживаются никак не объясненные противоречия, или не достаточно валидные и репрезентативные данные.

13. С. 48-50 посвящены вопросу об удовлетворенности качеством обучения в вузе. В качестве источников использовалась работа В.Н. Козлова [и др.]. «Настоящее и будущее ЧелГУ: мнения студентов и преподавателей». (Челябинск, 2003). В ней указано: «Данное социологическое исследование было проведено на всех факультетах и кафедрах университета в апреле 2000 года», что опять позволяет поставить вопрос о том, может ли данное исследование отражать представления студентов предшествующих лет.

14. Еще более вольно автор обходится с работой Л.Е. Петровой «Социальное самочувствие молодежи» (СОЦИС. 2000. № 12. С. 50-55). В диссертации написано: «Выявленные нами данные вполне коррелируют результатам исследований социального самочувствия студентов Урала «Пути поколения», проводившиеся под руководством профессоров Уральского государственного педагогического университета (далее – УГПУ) М.Х. Титма и Л.Я. Рубиной в 1990-е гг. и охватившие более 1,5 тыс. студентов». В статье же мы можем прочесть: «Международный лонгитюдный проект "Пути поколения" (руководители: доктор филос. наук, профессор М.Х. Титма, доктор филос. наук, профессор Л.Я. Рубина). В анализе использовались результаты стандартизированного интервью с 1674 жителями Свердловской области, родившимися в 1965—1967 гг. В Свердловской области в 1989 г. эта когорта составляла 184,2 тыс. чел. (4% населения, в том числе 2% сельского, 4% - городского населения)». То есть само исследование проводилось в 1989 г. и охватывало не студентов.

15. С. 79. Автор пишет: «В рассматриваемый период организация УИРС и НИРС в вузах страны и региона традиционно являлась одним из приоритетных направлений их деятельности. Она была ориентирована на подготовку специалистов, готовых нестандартно, творчески решать сложные организационные, научно-исследовательские и опытно-конструкторские задачи» при этом ссылка стоит «Горелова Г.Г. Педагогические условия подготовки студентов к творческой профессиональной деятельности во внеаудиторной исследовательской работе : дис. ...канд. пед. наук. Челябинск, 1983». Если исследуемый период работы охватывает 1990-е годы, как можно ссылаться на работу 1983 года.

16. Второй параграф 1 главы частично посвящен материально-бытовым аспектам жизни студентов. Но автор говорит исключительно о студентах, живущих в общежитии, оставляя за скобками студентов, которые жили с родителями или заочников (в целом создается впечатление, что автор забыл про наличие заочников и не считает их студентами вузов). С. 65 таблица 6 показывает обеспеченность вузов общежитиями, но опять не очень ясна хронологическая динамика, например ЮУрГУ указан как вуз где 95% студентов были обеспечены общежитиями. Но с 1990 по 2000 гг. количество студентов данного вуза существенно выросло, можно ли говорить, что такими же темпами росло и количество мест в общежитии. И сколько из студентов вуза жило в общежитии, а сколько предпочитало снимать квартиры или жить с родителями?

17. Первый параграф второй главы посвящен деятельности УИРС и НИРС. В параграфе перечисляются примеры реализации УИРС и НИРС, но нигде нет указаний на то, насколько широко в этот процесс была вовлечена молодежь, а также на то, имелась ли в этой деятельности какая-нибудь динамика?

18. На С. 80 приведена Диаграмма 3 – «Активность вузов Южного Урала в привлечении студентов к участию в научно-исследовательской работе 1990-е гг. (в процентах)» (В очередной раз не будем задавать вопрос:

«эти данные за какой-то конкретный год или среднее за 10 лет?»). В качестве источника для нее указано: «Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1397; Ф. Р-861; Ф. Р-1606; Ф. Р-1778; Ф. Р-392; отдел хранения документов ЮУрГУ. Ф. Р-1392; архив г. Магнитогорска. Ф. Р-60; Ф. Р-132; архив города Троицка. Ф. Р-55; архив УГАВМ. Ф. Р-55; архив ЧелГУ. Ф. Р-861; студенческие научные достижения за год // Механизатор. 1999. № 5. С. 1.». Вызывают вопросы оформление справочного аппарата, ибо указываются только номера фондов без указания дел и листов, что делает верификацию данных автора крайне сложным процессом. Смотрим список используемых источников: Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. Р-1397 – Государственная комиссия совета министров СССР по продовольствию и закупкам Челябинский ордена трудового красного знамени институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Хотелось бы знать, как в материалах Государственной комиссии совета министров СССР может отразиться информация о научной деятельности студентов 1990-х годов?

19. Серьезные сомнения вызывает и умение интерпретировать данные. Так, в третьем параграфе второй главы на С. 132. указывается: «Судя по диаграмме 2, на свободное время у студентов в связи с большой загруженностью дня уходило около 4% суточного времени». Исходя из этого, можно рассчитать, что в среднем у студента было 57 минут свободного времени в день. Поразительно, как можно много успеть за это время. Так студенты Южного Урала меньше чем за час свободного времени успевали организовать рок-клуб, устроить ночные гонки на автомобилях, создать королевство орков и эльфов, очистить карму у кришнаитов и т.д.

20. Говоря о свободном времени студентов, автор практически полностью игнорирует такие формы досуга, популярные особенно во второй половине 1990-х, как ночные клубы, и кинотеатры. В диссертации упоминаются только дискотеки, а также набирающие популярность компьютерные игры.

21. Исследование посвящено современной истории. В этой связи удивляет полное отсутствие визуального материала, в первую очередь, фотографий.

22. В целом, заявляя предметом диссертации изучение культурного пространства, автор обращается к анализу зачастую только формальных практик, различного рода отчетов, рекомендаций, статистических сведений. При этом само студенчество Южного Урала на протяжении 10 лет у нее представляется монолитной и бесцветной массой без динамики, изменений и внутренних особенностей.

Отмеченные недостатки носят принципиальный характер и влияют на основные выводы и результаты исследования. Диссертационная работа не соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842, а ее автор Будаева Марина Николаевна не заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Отзыв составлен кандидатом исторических наук А.А. Фокиным, кандидатом исторических наук Н.В. Гришиной, доктором исторических наук С.А. Бакановым и обсужден на заседании кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» 6 декабря 2016 г. Протокол №4.

Заведующий кафедрой
истории России и
зарубежных стран ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Подпись
Баканова С.А.
удостоверяю Г.Г. Гришина
06.12.2016 енчукова
по кафедре

Баканов С.А.

454001 г.Челябинск, ул.Братцев Кашириных,
г. 129, кв.корп.№1, каб. 237
rector@csu.ru тел. 8(351) 799-71-01

Кафедра истории России и зарубеж-
ных стран ФГБОУ ВО „Челябинский госу-
дарственный университет“
454084 г.Челябинск, пр.Победы, г. 162-в,
кв.корп. №3, каб. 112, 114
hist.new@ csu.ru тел.8(351)799-70-44